

ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИИ СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С РЕАЛИЗОВАННЫМИ В НИХ ОЦЕНОЧНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАЖАНРАХ

П. П. ГЛАЗКО¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Раскрываются особенности взаимосвязи между синтактико-стилистическими (экспрессивными) средствами и выраженными в них оценочными значениями в жанрах блога и колонки медиaprостранства США. Категории экспрессивности и оценочности являются наиболее важными для осознанного потребления медиаконтента в условиях усиливающейся субъективности. Исследование основано на анализе 200 текстов (по 100 материалов каждого жанра), опубликованных разными авторами в персональных блогах и на официальных сайтах газет в 2020–2023 гг. Результаты лингвостилистического, контекстуального и количественного анализа свидетельствуют как о сходствах, так и о некоторых различиях во взаимодействии названных категорий. В жанре колонки синтаксические средства преимущественно усиливают отрицательное оценочное значение, что указывает на критический характер данного жанра. В отличие от колонки в жанре блога использование стилистических средств для интенсификации положительной и отрицательной оценки является более сбалансированным. В частности, положительное оценочное значение коррелирует с синтаксическими средствами диалогизации, в то время как отрицательное оценочное значение – с приемами акцентуации внимания.

Ключевые слова: экспрессивность; оценка; блог; колонка; медиадискурс; медиажанры; прагматическая функция; субъективность.

АСАБЛІВАСЦІ КАРЭЛЯЦЫІ СІНТАКТЫКА-СТЫЛІСТЫЧНЫХ СРОДКАЎ З РЭАЛІЗАВАННЫМІ Ё ІХ АЦЭНАЧНЫМІ ЗНАЧЭННЯМІ Ў АНГЛАМОЎНЫХ МЕДЫЯЖАНРАХ

П. П. ГЛАЗКО^{1*}

^{1*)}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Раскрываюцца асаблівасці ўзаемасувязі паміж сінтактыка-стылістычнымі (экспрэсіўнымі) сродкамі і адлюстраванымі ў іх ацэначнымі значэннямі ў жанрах блога і калонкі медыяпрасторы ЗША. Катэгорыі экспрэсіўнасці і ацэнкі з'яўляюцца найбольш важнымі для асэнсаванага спажывання медыякантэнту ва ўмовах узмацнення суб'ектыўнасці. Даследаванне заснавана на аналізе 200 тэкстаў (па 100 матэрыялаў кожнага жанру), апублікаваных рознымі аўтарамі ў асабістых блогах і на афіцыйных сайтах газет у 2020–2023 гг. Вынікі лінгвастылістычнага, кантэкстуальнага

Образец цитирования:

Глазко П.П. Особенности корреляции синтактико-стилистических средств с реализованными в них оценочными значениями в англоязычных медиажанрах. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;3:62–71. EDN: IPKHLE

For citation:

Glazko PP. Specific features of correlation between the syntactical stylistic devices and their evaluative meanings in English media genres. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;3:62–71. Russian. EDN: IPKHLE

Автор:

Павел Петрович Глазко – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры белорусского языка и литературы.

Author:

Pavel P. Glazko, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of the Belarusian language and literature. pavel.hlazko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5429-0945>

і колькаснага аналізу сведчаць як аб падабенствах, так і аб шэрагу адрозненняў ва ўзаемадзеянні названых катэгорый. У жанры калонкі сінтаксічныя экспрэсіўныя сродкі пераважным чынам узмацняюць адмоўнае ацэначнае значэнне, што ўказвае на крытычны характар дадзенага жанру. У адрозненні ад калонкі ў жанры блога выкарыстанне стылістычных сродкаў для інтэнсіфікацыі станоўчай і адмоўнай ацэнкі з'яўляецца больш аднародным. У прыватнасці, станоўчае ацэначнае значэнне знаходзіцца ў прамой карэляцыі са сродкамі дыялагізацыі, а адмоўнае ацэначнае значэнне – з прыёмамі акцэнтацыі ўвагі.

Ключавыя словы: экспрэсіўнасць; ацэнка; блог; калонка; медыядыкурс; медыяжанры; прагматычная функцыя; суб'ектыўнасць.

SPECIFIC FEATURES OF CORRELATION BETWEEN THE SYNTACTICAL STYLISTIC DEVICES AND THEIR EVALUATIVE MEANINGS IN ENGLISH MEDIA GENRES

P. P. GLAZKO^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zakharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The given paper attempts to elucidate the correlation between syntactical stylistic (expressive) devices and their contextual evaluative meanings in the genres of blog and column of the USA media space. The categories of expressiveness and evaluativity are crucial for mindful and responsible consumption of modern media content produced in the conditions of increasing subjectivity. The research is based on the analysis of 200 texts (100 texts per genre) recently published by different authors on their personal websites as well as official websites of newspapers during the 2020–2023. The results of linguo-stylistic, contextual, and quantitative analyses attest to some similarities as well as a number of differences in the expressive and evaluative organisation of the genres in question. In columns syntactical stylistic devices tend to augment the negative evaluative meaning which testifies to the critical nature of this genre. Unlike the column, the genre of blog is characterised by balancing the use of syntactical means which amplify the negative evaluation with those which intensify the negative evaluation. In particular, the positive evaluative meaning correlates with the expressive means of dialogisation, while the negative evaluation is associated with the syntactical devices of accentuation.

Keywords: expressiveness; evaluation; blog; column; media discourse; media genres; pragmatic function; subjectivity.

Введение

Сегодня становится все более очевидным, что цифровая коммуникация коренным образом изменила способы производства и потребления информации, а также обмена ей. Современное медиапространство стало средой для людей, родившихся после появления высокоскоростного интернета, и наряду с информативной функцией оно выполняет также эпистемологическую и развлекательную функции [1–3]. По мнению М. Маклюэна, средство коммуникации, используемое в некоторой культуре, в значительной степени предопределяет то, как индивиды, выступающие ее частью, воспринимают окружающий мир и как это восприятие формирует ценности, убеждения, социальную организацию и практики, которых придерживаются представители этой культуры [1]. Данную точку зрения разделяют и современные исследователи медиапространства, отмечающие значимость онтологического самоопределения человека через его субъективную реальность. Подобное самоопределение приходит на смену ценности как параметра какой-либо культурно-исторической формации [4; 5].

В современных теориях дискурса и медиалингвистических исследованиях все чаще указывается на то, что классические подходы и процедуры, доказавшие свою эффективность при анализе линейных текстов, не считаются столь же действенными применительно к медиатекстам [6]. Одними из ключевых особенностей языковой трансформации в условиях цифровой коммуникации выступают высокий убедительный потенциал субъективного восприятия автором явлений и событий окружающего мира и их последующая авторская интерпретация [6; 7].

Понятие «субъективность» приобретает все большую актуальность в современном гуманитарном знании, поскольку, по сути, субъективность представляет собой абстрактную модель человеческого сознания. Оппозиция *субъективное – объективное* была и остается одной из ключевых для философии на протяжении всей истории ее развития (от античной до немецкой классической философии, от диалектического материализма до феноменологии). Данное противопоставление, окончательно сформировавшееся в концепции дуализма Декарта, в которой постулируется неразрывность сосуществования

протяженной и мыслящей субстанций (души и тела, сознания и материи), нашло свое преломление в лингвистической науке: к объективному аспекту языка причисляются все явления внешнего мира, а к субъективному аспекту относятся внутренние переживания человека. Однако характер соотношения данных факторов послужил предметом многочисленных дискуссий. С одной стороны, они были связаны с возможностью номинации какого-либо предмета или явления как факта, находящегося за пределами сознания человека, и наложения на эту номинацию определенных аффективных фильтров. С другой стороны, «предполагается, что всякий индивидуальный акт высказывания должен содержать некоторый момент, независимый от воли самого субъекта и привносимый в высказывание как отношение говорящего субъекта к содержанию информации» [8, с. 117]. Иными словами, речь идет о возможном существовании сообщений сугубо информативного характера в противовес любым высказываниям с ингерентным субъективным аспектом.

На сегодняшний день считается доказанным, что, например, дескриптивные предикаты могут использоваться в акте оценки, а собственно оценочные лексемы *хорошо* и *плохо* способны к дескриптивному употреблению [9, с. 75]. Более того, в проекции высказывания «любое языковое явление имеет ценностное содержание в силу того, что коль скоро в языке имеются сведения о предмете или понятии, то эти предмет или понятие имеют ценностное содержание уже потому, что они получили языковое отражение» [10, с. 170]. Таким образом, выделение объективного и субъективного компонентов в структуре высказывания как обособленных друг от друга элементов следует считать условным и выполняющим исключительно методологическую функцию [8; 11; 12]. По мнению Г. В. Колшанского, недостаточно определить речевое высказывание как одновременный акт сообщения о факте и его оценки, «необходимо также признать, что оно и единопланово, так как сообщение, исходящее от конкретного субъекта, является всегда конкретным сообщением данного субъекта о некотором факте» [8, с. 92].

В работах многих философов и лингвистов антиномия *объективное – субъективное* напрямую коррелирует с понятиями «эмоциональное» и «рациональное» («интеллектуальное»). В монографии Т. И. Красновой выделяется несколько планов понимания субъективности [13]. В житейском, психологическом и социальном планах субъективность напрямую соотносится с психологией мышления, оценочностью человеческого сознания, волевого действия, реализуемого в процессе принятия решения. Художественное понимание субъективности основано на творческом потенциале и оригинальности, оно предполагает множественность интерпретаций при наличии констант общечеловеческого содержания. Современная философская трактовка субъективности базируется на идее взаимопроникающего единства объективного и субъективного начал. Проведенный Т. И. Красновой анализ словарных дефиниций дал основания утверждать, что в русском языке большинство первичных значений слова *субъективный* являются предметными и явно специализированными, а вторичные значения имеют оценочный характер и описывают преимущественно практическую и житейскую область отношений. В лингвистике же субъективность выступает прежде всего в качестве коммуникативно-прагматической категории, объединяющей все возможные формы воплощения говорящего в его сообщении [13, с. 8–17].

Изучение субъективности в терминах коммуникативно-прагматических категорий лишь относительно недавно оказалось в фокусе внимания лингвистов, ввиду чего в их распоряжении на сегодняшний день не имеется ни полного перечня таких категорий, ни системного описания специфики их взаимодействия и особенностей языкового выражения. В Беларуси данным вопросам были посвящены труды Т. П. Карпилович, Н. Ю. Павловской, Т. Ф. Плехановой и др. В России к рассмотрению этой проблемы обращались М. Л. Макаров, А. А. Кибрик, Л. Р. Дускаева, Т. В. Шмелева и др. В США, а также в Великобритании и других странах Европы коммуникативно-прагматические категории исследовали Р. Уайт, Х. Наррог, П. Роуз, Дж. Р. Мартин, С. Ханстон, Дж. Томпсон и др. Однако, несмотря на значительный накопленный опыт, общая картина изучаемой области все еще носит преимущественно фрагментарный характер, она представлена многообразием подходов и концепций. Чуть более детально разработана проблема классификации выявленных коммуникативно-прагматических категорий и особенностей их языковой реализации в различных жанрах и видах дискурса, но совсем небольшое количество исследований посвящено взаимодействию данных категорий. В отечественной лингвистике предпочтение отдается преимущественно дифференцированному рассмотрению проявлений субъективности в аспекте языковой репрезентации [14; 15]. В то же время в современных англоязычных исследованиях преобладает тенденция к интегрированному подходу в изучении специфики воплощения феномена субъективности в языке. Данный подход объединяет в рамках терминов оценки, отношения, позиции и широкий спектр весьма разнородных явлений (общую и частную оценку, эмотивность, модальность, функциональный стиль, интенсивность и др.) [16–18]. В фокусе внимания настоящего исследования находятся категории экспрессивности и оценочности в аспекте их взаимодействия, т. е. диффузной реализации в дискурсе, с акцентом на выявлении особенностей данного взаимодействия.

Экспрессивность и оценочность выбраны в качестве объекта исследования ввиду их особой значимости в воплощении авторской субъективности. Под оценочностью подразумевается результат познавательной деятельности человека, направленной на сопоставление различных предметов и явлений, их свойств, определение их роли в жизни с точки зрения положительного или отрицательного отношения к этим предметам и явлениям. Данный результат зафиксирован в сознании и имеет языковое выражение [2]. В свою очередь, экспрессивность понимается как средство интенсификации высказывания, т. е. амплификации его содержания, акцентирования наиболее релевантной контекстуальной информации [19].

Цель исследования – выявление специфики взаимодействия синтактико-стилистических (экспрессивных) средств и реализованных в них оценочных значений в жанрах блога и колонки медиaproстранства США.

Материалы и методы исследования

Материал исследования представлен 200 текстами (по 100 текстов каждого жанра), опубликованными разными авторами в их персональных блогах (*becomingminimalist.com*, *gretchenrubin.com*, *tracysnewyorklife.com*, *tinybuddha.com*, *witanddelight.com* и др.), а также на официальных сайтах газет («Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост») в 2020–2023 гг. Выбор жанров блога и колонки обусловлен тем, что они являются наиболее яркими представителями персонального дискурса в медиaproстранстве и, в отличие от институциональных жанров, характеризуются широким использованием разнообразных выразительных средств.

В ходе исследования применялись методы лингвостилистического, количественного, контекстуального и сравнительного анализа. На первом этапе материал был проанализирован в лингвостилистическом аспекте, что дало возможность определить репертуар синтактико-стилистических средств, функционирующих в упомянутых жанрах. Количественный анализ позволил выделить наиболее и наименее популярные синтактико-стилистические средства в рассматриваемых жанрах. Далее эти средства были изучены с точки зрения оценочных значений, которые они передают в дискурсе. Наконец, полученные результаты были сопоставлены в целях выявления соотношения между жанром, синтактико-стилистическим средством и выраженным в нем оценочным значением.

Результаты и их обсуждение

Количественные результаты анализа представлены в относительном выражении в табл. 1, в которой указан процент случаев использования каждого синтактико-стилистического средства с положительным или отрицательным оценочным значением для исследуемого жанра.

Таблица 1

Оценочные значения синтактико-стилистических средств в жанре колонки, %

Table 1

Evaluative meanings of syntactical stylistic devices in columns, %

Синтактико-стилистические средства	Оценочное значение	
	Положительное	Отрицательное
Парцелляция	14,5	85,5
Перечисление	33,3	66,7
Повелительное предложение	23,6	76,4
Параллелизм	30,1	69,9
Вопросно-ответный комплекс	5,6	94,4
Повтор	28,6	71,4
Риторический вопрос	18,2	81,8

Как можно заметить, для жанра колонки характерно преимущественное использование синтактико-стилистических средств с отрицательным оценочным значением. Действительно, в колонках авторы склонны обращаться к разным острым социальным проблемам, которые нуждаются в решении. С одной стороны, такая корреляция выглядит вполне естественной, если принять во внимание текущую политическую, социальную и экономическую ситуацию в США (поствыборные беспорядки, пандемия, вызванная ей борьба малого бизнеса за выживание и т. д.). Например, в колонке «Пандемия должна

стать великим уравниателем» Ф. Закария останавливается на неожиданных социальных последствиях продолжающейся пандемии, а именно на увеличении количества проявлений социального неравенства: *Pandemics should be the great equalizer. They affect everyone, rich and poor, black and white, urban and rural. <...> But COVID-19 has actually had the opposite effect. The virus is ushering in the greatest rise in economic inequality in decades, both globally and in the United States. Despite all the concern about inequality within America, it's worth nothing that great global inequality – the gap between the richest and poorest around the world* 'Ожидалось, что пандемии должны стать средством уравнивания общества. Они затрагивают всех: богатых и бедных, черных и белых, городских и сельских жителей. <...> Но на самом деле COVID-19 возымел противоположный эффект. Вирус ведет к самому большому скачку экономического неравенства за последние десятилетия как во всем мире, так и в Соединенных Штатах. Но все опасения по поводу неравенства внутри Америки – это ничто по сравнению со всеобщим глобальным неравенством, пропуская между самыми богатыми и самыми бедными людьми во всем мире'¹ (ZF).

Ф. Закария сочетает приемы перечисления и простого лексического повтора, которые контекстуально употребляются при выражении отрицательной оценки: перечисление (*rich and poor, black and white, urban and rural* 'богатых и бедных, черных и белых, городских и сельских жителей') усиливает всеобъемлющий характер пандемии, тогда как лексический повтор имени существительного *inequality* 'неравенства' подчеркивает значимость этого негативного явления для авторского повествования. Собранные вместе, эти приемы удваивают прагматический эффект, оказываемый на читателя, иллюстрируют повторяющееся понятие посредством стилистического перечисления.

Однако та же тенденция наблюдается и в текстах, посвященных так называемым извечным темам, таким как образование, творчество, воспитание, семейные отношения и т. д. Например, в рубрике «Мои музыкальные мышцы ослабли» А. Шатц делится с читателями опытом приобретения навыка исполнения песен Р. С. Ньюмана: *There's the learning you attempt on purpose, like how to read a book in one hand with your phone in the other; or how to steep your own tamarind water in desperate attempts to replicate the pad thai you miss eating in restaurants. Then there's the learning that's forced upon you. Mandatory education enacted by disaster, by circumstance, by the ongoing present* 'Есть вещи, которым вы пытаетесь обучиться целенаправленно, например читать, держа книгу в одной руке, и одновременно поглядывать в телефон, находящийся в другой руке, или самостоятельно готовить отвар из тамаринда в отчаянных попытках воспроизвести пад-тай, по которому вы скучаете. Но есть и то, что мы вынуждены осваивать. Такие вещи, которым приходится обучаться в результате катастроф, под влиянием обстоятельств, текущей ситуации' (ShA).

Перечисление в данном примере акцентирует отрицательное оценочное значение, актуализируемое за счет употребления имени существительного *disaster* 'катастрофа', и контекстуальную связь с глаголом *forced* 'вынуждены'. Оно также имеет характер градации, т. е. начинается с имени существительного со значением внезапного события, причиняющего большой ущерб (*disaster* 'катастрофа'), и раскрывается через имена существительные с более широкой семантикой (*circumstance* 'обстоятельств' и *ongoing present* 'текущей ситуации'). Во всех перечисленных случаях речь идет о необходимости научиться чему-то под давлением внешних факторов.

Аналогичным образом в колонке «Германия посмотрела в лицо своему ужасному прошлому. Можем ли мы сделать то же самое?» М. Л. Норрис обращается к одному из центральных вопросов американской истории и культуры. Она пытается объяснить, почему, несмотря на всю свою значимость, концепция рабства не нашла отражения в национальных символах: *But despite the centrality of slavery in our history, it is not central to the American narrative in our monuments, history books, anthems and folklore. There is a simple reason: The United States does not yet have the stomach to look over its shoulder and stare directly at the evil on which this great country stands. That is why slavery is not well taught in our schools. That is why the battle flag of the army that tried to divide and conquer our country is still manufactured, sold and displayed with defiant pride. That is why any mention of slavery is rendered as the shameful act of smattering of Southern plantation owners and not a sprawling economic and social framework with tentacles that stamped almost every aspect of American life* 'Но несмотря на то что рабство занимает центральное место в нашей истории, оно не занимает центральное место в наших памятниках, книгах по истории, гимнах и фольклоре. На это есть простая причина: у Соединенных Штатов пока не хватает смелости оглянуться и посмотреть в глаза тому злу, на котором построена эта великая страна. Вот почему в наших школах недостаточно хорошо рассказывают о рабстве. Вот почему боевое знамя армии, пытавшейся разделить и завоевать нашу страну, до сих пор изготавливается, продается и демонстрируется с непреклонной гордостью. Вот почему любое упоминание о рабстве ассоциируется с постыдным поведением горстки южных плантаторов, а не со стремительно распространяющимися социально-экономическими принципами, запечатленными почти во всех аспектах американской жизни' (NM).

¹Здесь и далее перевод наш. – П. Г.

В приведенном примере колумнист прибегает к использованию синтаксического параллелизма в сочетании с анафорическим повтором. Прием параллелизма основан на последовательном употреблении пассивных конструкций (*is not well taught* ‘недостаточно хорошо рассказывают’, *is still manufactured, sold and displayed* ‘до сих пор изготавливается, продается и демонстрируется’, *is rendered* ‘ассоциируется’). Анафорический повтор образуется за счет использования в каждом предложении пояснительной конструкции с союзом *that is why* ‘поэтому’ в начальной позиции. В совокупности эти приемы усиливают негативную авторскую оценку отсутствия увековечивания рабства в национальных символах (*folklore* ‘фольклоре’, *history books* ‘книгах по истории’, *anthem* ‘гимнах’, *monuments* ‘памятниках’), которая раскрывается через контекстуальную связь между упомянутыми приемами и словами и выражениями с негативным оценочным значением (*evil* ‘злу’, *not well* ‘недостаточно хорошо’, *shameful* ‘постыдным’ и т. д.).

Следует отметить, что некоторые из перечисленных синтактико-стилистических средств могут образовывать своеобразные модели. Это происходит при употреблении в непосредственной близости двух и более средств с противоположным оценочным значением: *I chased the diagnosis for five years and had to fight hard for it. It was, at times, dehumanizing and brutal: full of waiting lists, administrative errors, insensitive doctors and humiliating questionnaires that forced my entire life into a new, awkward perspective. But I also saw the thing that I like about myself: my obsessive interests, my memory, my capacity for feeling* ‘Я гонялась за диагнозом пять лет, и мне пришлось упорно бороться за него. Временами это было бесчеловечно и жестоко: полно очередей, административных ошибок, бесчувственных врачей и унижительных анкет, которые заставляли всю мою жизнь выглядеть нелепой. Но я также увидела и то, что мне нравится в себе: мои навязчивые интересы, мою память, мою способность чувствовать’ (ЕМ). В этом отрывке из колонки М. Элоиз «Я аутист. Я не знала об этом, пока мне не исполнилось 27» два перечислительных ряда следуют друг за другом. Если в первом случае акцентируется негативная оценка авторского опыта (*full of waiting lists, administrative errors, insensitive doctors and humiliating questionnaires* ‘полно очередей, административных ошибок, бесчувственных врачей и унижительных анкет’), то во втором случае усиливается позитивное оценочное значение (*my obsessive interests, my memory, my capacity for feeling* ‘мои навязчивые интересы, мою память, мою способность чувствовать’). Этот контраст оказывает большее эмоциональное воздействие на читателей и делает акцент на противоречивом характере ситуации, представленной в тексте.

Результаты, отражающие характер взаимодействия анализируемых категорий в жанре блога, представляются менее однородными (табл. 2).

Таблица 2

Оценочные значения синтактико-стилистических средств в жанре блога, %

Table 2

Evaluative meanings of syntactical stylistic devices in blogs, %

Синтактико-стилистические средства	Оценочное значение	
	Положительное	Отрицательное
Парцелляция	38,4	61,6
Перечисление	25,6	74,4
Повелительное предложение	88,9	11,1
Параллелизм	41,4	58,6
Вопросно-ответный комплекс	75,0	25,0
Повтор	40,8	59,2
Риторический вопрос	12,3	87,7

Такие синтактико-стилистические средства, как вопросно-ответные комплексы и повелительные предложения, обнаруживают тенденцию к усилению преимущественно положительного оценочного значения, а параллелизм, парцелляция, повтор, перечисление и риторический вопрос используются для усиления отрицательной авторской оценки. Первая группа синтактико-стилистических средств выполняет функцию установления диалога между автором и читателем, тогда как вторая группа таких средств (за исключением риторических вопросов) способствует акцентированию в предложении наиболее значимой информации. Например, в блоге «Бойтесь того, что люди думают о вас? Освободите себя, осознав, насколько вы незначительны» Дж. Гаспарович пытается сформулировать для читателей несколько полезных советов, как справиться со страхом быть осужденным другими людьми. Автор прибегает к использованию

параллелизма с анафорическим повтором притяжательного местоимения *my* ‘мой’: *My insides felt like they were twisting around each other. My breathing matched my heartbeat. It wasn't calm and collected, it was frantic. My mind went into full «stop him from taking action» mode by conjuring up a bunch of scenarios in which I look like a total idiot on the dance floor* ‘Мои внутренности как будто скрутились в клубок. Мое дыхание совпадало с биением сердца. Оно было не спокойным и собранным, оно было бешеным. Мой разум полностью перешел в режим «удерживай его от действий», выдумав кучу сценариев, в которых я выгляжу полным идиотом на танцполе’ (GJ). Такое сочетание позволяет автору акцентировать внимание читателей на своем опыте, получившем негативную оценку, и описать его с разных точек зрения (внутренности, дыхание, разум), что, в свою очередь, дает возможность читателю проникнуть в эмоциональное состояние автора, повышает уровень правдоподобности повествования и усиливает доверие зрителей. Но когда дело доходит до рекомендаций по преодолению таких затруднений, автор выбирает вопросно-ответное повествование с положительной оценкой: *And if the person isn't grateful and gives you the cold shoulder? Well, let's just say that you're not the one with the problem if you're trying to be friendly and warm and are flat out dismissed* ‘А если человек неблагодарен и оказывает вам холодный прием? Что ж, давайте просто скажем, что проблема не в вас, если вы пытаетесь быть дружелюбным и теплым, а вас просто категорически отвергают’ (GJ).

Интересно, что приведенный пример содержит ряд слов и выражений с отрицательным оценочным значением (*not grateful* ‘неблагодарен’, *gives the cold shoulder* ‘оказывает холодный прием’, *problem* ‘проблема’, *be flat out dismissed* ‘категорически отвергают’), но общая оценка ситуации является положительной, поскольку автор стремится успокоить своих читателей и сказать, что им не о чем переживать.

Поскольку повелительные предложения в блогах служат вербальным воплощением стремления авторов поделиться своим опытом и дать читателю какие-то рекомендации или советы, эти предложения носят в основном положительный оценочный характер: *Cherish each second you are alive. Master the strength to comfort and to be comforted. Inspire and lead whoever you can, help others through shared problems, and remember to talk about that which is hardest to talk about* ‘Цените каждую секунду своей жизни. Овладейте силой утешать и быть утешенным. Вдохновляйте и помогайте всем, кому можете, помогайте другим в решении общих проблем и не забывайте говорить о том, о чем говорить труднее всего’ (BJ).

Как в колонках, так и в блогах прием перечисления может образовывать своеобразный паттерн, связывающий стоящие рядом слова и выражения с противоположным значением: *By nature, I am a happy, optimistic, idealistic person. My usual philosophy in life is that the world is full of brightness, love, and possibilities to seize. Whenever I engaged in conversation with someone else, I assumed they found me boring, annoying, or self-obsessed, and it sent me even further into my sadness* ‘По натуре я счастливый, оптимистичный, идеалистичный человек. Моя обычная жизненная философия заключается в том, что мир полон веселья, любви и возможностей, которыми можно воспользоваться. Всякий раз, когда я вступал в разговор с кем-то еще, я предполагал, что они находят меня скучным, надоедливым или самовлюбленным, и это заставляло меня еще глубже погружаться в печаль’ (RA). В этом примере два перечислительных ряда образованы антонимичными понятиями (*happy* ‘счастливый’, *optimistic* ‘оптимистичный’, *idealistic* ‘идеалистичный’, *brightness* ‘веселья’, *love* ‘любви’, *possibilities* ‘возможностей’; *boring* ‘скучным’, *annoying* ‘надоедливым’, *self-obsessed* ‘самовлюбленным’, *sadness* ‘печаль’), что фокусирует внимание реципиента на противоречивой природе мыслей автора.

В отличие от материалов в колонках сообщения в блогах могут быть полностью построены по такому шаблону, охватывать множество абзацев и переключаться между положительным и отрицательным оценочными значениями. Например, в публикации «Ленивый? Непродуктивный? Застопорившийся? Как полюбить свое низшее Я» М. Пеннел пишет о пропасти между тем, что мы должны делать, и тем, что мы действительно хотим делать, и размышляет о балансе продуктивности и нежности к себе: *Maybe you want to write the book or work out, but your actual priority is an extra hour of sleep. Maybe you say you want to find a relationship, but you are prioritizing a night of snuggling in and reading over the nerves of a first date. Maybe you think you should be productive and accomplished, but you are right now composting, fermenting, and becoming something within (rather than chasing anything outwardly). Maybe there's no big personal growth happening and you just want to watch «The Crown» and eat Oreos* ‘Может быть, вы хотите поработать над написанием книги или заняться спортом, но на самом деле ваш приоритет – дополнительный час сна. Может быть, вы утверждаете, что хотите найти отношения, но вместо этого лежите, свернувшись клубочком, и вспоминаете волнения первого свидания. Может быть, вы думаете, что должны быть продуктивными и эффективными, но в настоящий момент вы готовите почву для какой-то идеи, вынашиваете ее, фокусируя внимание на том, что происходит внутри вас (вместо того чтобы гоняться за чем-то в окружающем мире). Может быть, большого личностного роста не происходит, и вы просто хотите смотреть сериал «Корона» и есть печенье’ (PM). Данный отрывок содержит комбинацию нескольких синтактико-стилистических приемов: параллелизма (предложения строятся по структуре *maybe... but* ‘может быть... но’),

анафорического повтора (слово *maybe* ‘может быть’ стоит в начале каждого предложения) и парцелляции (выражение *rather than chasing anything outwardly* ‘вместо того чтобы гоняться за чем-то вовне’ выносится в скобки). В первой части каждого предложения автор формулирует гипотетическое желание, а во второй части представляет возможный приоритет, сближая таким образом два противоречивых понятия: писать или работать либо иметь лишний час сна, быть продуктивным и эффективным либо готовить почву для идеи и вынашивать ее и т. д. Интересно, что, несмотря на повторяющийся дизъюнктивный союз *but* ‘но’, обе части каждого предложения исследуемого отрывка отмечены положительной авторской оценкой. Однако М. Пеннел воздерживается от вынесения категоричных оценок, поэтому ни одна из противоречащих друг другу альтернатив не рассматривается как отрицательная.

В следующем абзаце той же записи в блоге М. Пеннел использует ряд риторических вопросов, построенных по модели *what if + Subjunctive* ‘что бы было, если + сослагательное наклонение’, что приводит к синтаксическому параллелизму: *Rather than feeling a failure, what if you accepted that part of yourself, exactly where you are right now? What if you didn't loath yourself for being shy, unproductive, or acting «lazy»? What if you accepted even this part of yourself – the part of you that isn't ambitious, or productive, or even growth-oriented? What if you lean into lazy for a bit? What is you trusted that leaning into this season (rather than hating yourself for it) means that it will someday pass?* ‘Вместо того чтобы чувствовать себя неудачником, что бы было, если бы вы приняли эту часть себя? Что бы было, если бы вы не ненавидели себя за застенчивость, непродуктивность или лень? Что бы было, если бы вы приняли даже эту часть себя – ту часть себя, которая не амбициозна, не продуктивна и даже не ориентирована на рост? Что бы было, если бы вы немного поддались лени? Что бы было, если бы вы поверили, что вместо ненависти к себе лучше поддаться этому состоянию и однажды оно пройдет?’ (PM). Конструкция *what if + Subjunctive* используется автором, чтобы акцентировать внимание на гипотетической ситуации, а не на текущем положении вещей, при этом последнее оценивается негативно. Отрицательное оценочное значение усиливается с помощью анафорического повтора, синтаксического параллелизма, риторических вопросов, а также части, обособленной от основной реплики скобками. Таким образом, в этом абзаце авторская оценка характеризуется как отрицательная в отличие от предыдущего абзаца с положительной оценкой.

Наконец, в заключительной части публикации М. Пеннел прибегает к использованию вопросно-ответных комплексов, состоящих из серии общих вопросов, за которыми следуют ответы в форме императивов: *Today I challenge you to «call in» the lazy, unproductive, stuck parts of your personhood. Remember that they're part of the whole you, and that accepting ALL of these parts is exactly how you will live the true, beautiful and rich life I know that you really want. Do you want to change these things? Rock on. Do you want to watch «The Crown» tonight? Do it. Permission granted* ‘Сегодня я призываю вас погрузиться в ленивое, непродуктивное состояние вашей личности, состояние безвыходности. Помните, что они – часть вас и что принятие ВСЕХ этих частей – это именно то, как вы будете жить настоящей, красивой и богатой жизнью, которую вы действительно хотите. Вы хотите изменить эти вещи? Вперед. Хотите посмотреть сериал «Корона» сегодня вечером? Сделайте это. Разрешение получено’ (PM).

Вопросно-ответные комплексы и повелительные предложения служат для имитации диалога автора с аудиторией и усиливают позитивное оценочное значение, которое раскрывается через контекстуальные связи с именами прилагательными *true* ‘настоящей’, *beautiful* ‘красивой’, *rich* ‘богатой’, имеющими положительную семантику.

Заключение

В обоих исследуемых жанрах категория оценочности является ведущей по отношению к категории экспрессивности: как в колонках, так и в блогах оценка в общем виде отражает отношение автора к тому, о чем он пишет, маркирует рассматриваемые ситуации и явления как хорошие или плохие, а экспрессивные средства дают возможность дополнительно акцентировать наиболее значимые хорошие или плохие характеристики различных аспектов данных ситуаций и явлений, воспринимаемых автором и представляемых читателю в соответствующем свете. Иными словами, экспрессивность выступает интенсификатором и конкретизатором оценки.

В жанре колонки синтактико-стилистические средства интенсифицируют преимущественно негативную оценку и высвечивают конкретные атрибуты описываемой ситуации (или явления), которые и делают ее плохой в понимании автора. Среди синтактико-стилистических средств, наиболее часто используемых с отрицательным оценочным значением, преобладают те, которые ориентированы на установление диалога с читателем: вопросно-ответный комплекс (94,4 %), риторический вопрос (81,8 %), повелительное предложение (76,4 %). Это связано с критическим характером жанра колонки: колумнист подвергает анализу различные аспекты общественной жизни, фокусируя особое внимание на тех из них, которые в его понимании не соответствуют определенному стандарту.

В отличие от колонок в блогах экспрессивные средства могут использоваться в целях интенсификации как негативного, так и позитивного оценочного значения. В первом случае экспрессивность способствует конкретизации негативного характера того, о чем пишет автор, с помощью повторов, параллелизма, перечислений, парцелляции, а во втором случае используются средства, направленные на установление диалога с читателем (вопросно-ответные комплексы, повелительные предложения). Это обусловлено тем, что блоги затрагивают некоторые острые вопросы, но вместо критики акцент смещается на предоставление практических советов по решению таких проблем и установление контакта с читателями.

Как в блогах (в большей степени), так и в колонках (в меньшей степени) можно наблюдать одновременную реализацию положительной и отрицательной оценки в рамках одной параллельной синтактико-стилистической структуры. В этом случае параллелизм формируется перечислениями, анафорическими повторами или вопросно-ответными комплексами.

Сокращения

BJ – Brown J. S. What's really important: 3 things I realized when I lost my grandmother [Electronic resource]. URL: <https://tinybuddha.com/blog/whats-really-important-3-things-i-realized-when-i-lost-my-grandmother> (date of access: 01.06.2021) ; **EM** – Eloise M. I'm autistic. I didn't know until I was 27 [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/05/opinion/autism-adult-diagnosis-women.html> (date of access: 01.06.2021) ; **GJ** – Gasparovic J. Afraid of what people think? Free yourself by realising how unimportant you are [Electronic resource]. URL: <https://tinybuddha.com/blog/afraid-of-what-people-think-free-yourself-by-realizing-how-unimportant-you-are> (date of access: 01.06.2021) ; **NM** – Norris M. L. Germany faced its horrible past. Can we do the same? [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/06/03/slavery-us-germany-holocaust-reckoning/> (date of access: 03.06.2021) ; **PM** – Pennel M. Lazy? Unproductive? Stuck? How to love your lowest self [Electronic resource]. URL: <https://www.followyourfirecoaching.com/news/2021/1/30/lazy-unproductive-stuck-how-to-love-your-lowest-self> (date of access: 22.07.2022) ; **RA** – Rogers A. Why people are rude and unkind (and why it's not about you) [Electronic resource]. URL: <https://tinybuddha.com/blog/why-people-are-rude-and-unkind-and-why-its-not-about-you> (date of access: 22.07.2022) ; **ShA** – Schatz A. My music muscles were going weak [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/06/opinion/culture/adam-schatz-learning-randy-newman.html> (date of access: 22.10.2022) ; **ZF** – Zakaria F. A pandemic should be the great equalizer. This one had the opposite effect [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/a-pandemic-should-be-the-great-equalizer-this-one-had-the-opposite-effect/2020/10/15/ca5af870-0f20-11eb-8074-0e943a91bf08_story.html (date of access: 22.07.2022).

Библиографические ссылки

1. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры*. Юдин А, переводчик. Киев: Ника-центр; 2003. 432 с.
2. Желтухина МР. *Тропология суггестивности массмедиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Москва: Институт языкознания РАН; 2003. 656 с.
3. Карасик ВИ. Трансформация знания в современную эпоху: лингвокультурный аспект. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017;3:88–94. EDN: YKOULE.
4. Ополев ПВ. Тенденции изменения медийного пространства: от текста к гипертексту. *Идеи и идеалы*. 2018;2(3):96–112. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-96-112.
5. Николаева ЕМ, Котляр ПС. Медиапространственная коммуникация: проблема аксиологических ориентаций. *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика, филология, философия*. 2016;3:30–38. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-30-38.
6. Клушина НИ. *Медиастилистика*. Москва: Флинта; 2018. 183 с.
7. Welbers K, Opgenhaffen M. Presenting news on social media. *Digital Journalism*. 2019;7(1):45–62. DOI: 10.1080/21670811.2018.1493939.
8. Колшанский ГВ. *Соотношение субъективных и объективных факторов в языке*. Москва: Комкнига; 2005. 232 с.
9. Баранов АН. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика). *Вопросы языкознания*. 1989;3:74–89.
10. Чекулай ИВ, Прохорова ОН. Аспекты соотношения дихотомии «язык» и «речь», «ценность» и «оценка». *Исследования языка и современное гуманитарное знание*. 2021;3(2):167–173. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173.
11. Старостина ЮС. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений. *Вестник Самарского государственного университета*. 2007;3:232–240.
12. Вольф ЕМ. *Функциональная семантика оценки*. Москва: URSS; 2020. 278 с.
13. Краснова ТИ. *Субъективность – модальность (материалы активной грамматики)*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; 2002. 189 с.
14. Паўлоўская НЮ. *Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове*. Мінск: Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт; 2001. 205 с.
15. Карпилович ТП. *Коммуникативные категории научного дискурса*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2018. 160 с.
16. Hunston S, Thompson G. *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 240 p.

17. Narrog H. *Modality, subjectivity, and semantic change: a cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 333 p. DOI: 10.9793/elsj.32.1_223.
18. Hart Ch, editor. *Cognitive linguistic approaches to text and discourse: from poetics to politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2019. 224 p. DOI: 10.1177/1461445619897141.
19. Арнольд ИВ. *Стилистика. Современный английский язык*. Москва: Флинта; 2002. 384 с.

References

1. MacLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [The Gutenberg galaxy: the making of typographic man]. Yudin A, translator. Kiev: Nika-tsentr; 2003. 432 p. Russian.
2. Zheltuhina MR. *Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI* [Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the issue of linguistic manipulation of tropes in mass media language]. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Science; 2003. 656 p. Russian.
3. Karasik VI. Knowledge transformation in the modern period: linguocultural aspect. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;3:88–94. Russian. EDN: YKOULE.
4. Opolev PV. Trends in changing media space: from text to hypertext. *Ideas and Ideals*. 2018;2(3):96–112. Russian. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-96-112.
5. Nikolaeva EM, Kotlyar PS. Media space communication: the problem of axiological orientations. *The Buryat State University Bulletin. Pedagogics, Philology, Philosophy*. 2016;3:30–38. Russian. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-30-38.
6. Klushina NI. *Mediastilistika* [Mediastylistics]. Moscow: Flinta; 2018. 183 p. Russian.
7. Welbers K, Opgenhaffen M. Presenting news on social media. *Digital Journalism*. 2019;7(1):45–62. DOI: 10.1080/21670811.2018.1493939.
8. Kolshanskii GV. *Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v yazyke* [The correlation of subjective and objective factors in language]. Moscow: Komkniga; 2005. 232 p. Russian.
9. Baranov AN. Axiological strategies in the structure of language (paremeology and lexis). *Voprosy jazykoznanija*. 1989;3:74–89. Russian.
10. Chekulai IV, Prokhorova ON. Aspects of correlation of dichotomy «language» and «speech», «value» and «evaluation». *Language Studies and Modern Humanities*. 2021;3(2):167–173. Russian. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173.
11. Starostina JS. The interpretation of linguistic evaluation in terms of axiology. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007;3:232–240. Russian.
12. Vol'f EM. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: URSS; 2020. 278 p. Russian.
13. Krasnova TI. *Sub'ektivnost' – modal'nost' (materialy aktivnoi grammatiki)* [Subjectivity – modality (materials of active grammar)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov; 2002. 189 p. Russian.
14. Pawlowskaja NJu. *Kategorija modal'nasci w suchasnej bielaruskaj movie* [The category of modality in the modern Belarusian language]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2001. 205 p. Belarusian.
15. Karpilovich TP. *Kommunikativnye kategorii nauchnogo diskursa* [Communicative categories of scientific discourse]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2018. 160 p. Russian.
16. Hunston S, Thompson G. *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 240 p.
17. Narrog H. *Modality, subjectivity, and semantic change: a cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 333 p. DOI: 10.9793/elsj.32.1_223.
18. Hart Ch, editor. *Cognitive linguistic approaches to text and discourse: from poetics to politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2019. 224 p. DOI: 10.1177/1461445619897141.
19. Arnol'd IV. *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English language]. Moscow: Flinta; 2002. 384 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.08.2023.
Received by editorial board 04.08.2023.